

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ
«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»

1

5 января

1 9 4 0

ГОСЛИТИЗДАТ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга о Чехове

И. Сергиевский

Популярный очерк жизни и творчества Чехова, написанный одним из лучших знатоков Чехова, открываешь, исполненный самыми радостными ожиданиями. Книга А. Дермана в значительной мере оправдывает эти ожидания. Присущее автору превосходное знание материала, изложенного без академической тяжеловесности, добросовестность литературной отделки без аляповатой беллетризации, — все это заметно выдвигает ее над общей массой родственных ей по своему типу работ.

К сожалению, однако, эти положительные качества сочетаются в ней с одним очень существенным пороком, если и не нейтрализующим совершенно ее достоинств, то во всяком случае сильно затрудняющим общую оценку ее. Заключается этот порок в том, что автор, сумевший некогда создать замечательный по своей свободе от ходячих толкований и оценок творческий портрет Чехова, здесь странным образом поддался влиянию этих толкований и оценок, представляющих собой, в конечном счете, отрывку либерально-народнической легенды о Чехове, не имеющей ничего общего с реальной исторической действительностью.

Мы имеем в виду те суждения автора, в которых трактуется вопрос о жизненных идеалах Чехова, о его, так сказать, положительном мирозерцании. Очень обстоятельно и очень вдумчиво рассказывается в книге о тех препятствиях, которые с самого начала стояли на пути творческого роста Чехова как писателя, замедляя и искривляя его: о тусклости общественной обстановки, в условиях которой протекала его литературная молодость, о тлетворном влия-

нии той мелкотравчатой литературной среды, в окружении которой начинал он свою работу, о поверхностно-пренебрежительном отношении к своему писательскому труду. Очень обстоятельно и очень вдумчиво рассказывается о том, как постепенно преодолевал Чехов все эти препятствия, вырастая из одаренного юмориста в одного из крупнейших художников своего времени.

Все как будто бы идет хорошо. Но вот когда автор начинает говорить о том препятствии, которое, по его мнению, было важнейшим в числе прочих, мешавших Чехову перейти «от писания мелких рассказов на любую тему к созданию крупных, идеологически насыщенных произведений», его изложение сразу утрачивает свою стройность и ясность. Мешало такому переходу, утверждает автор, отсутствие у Чехова стройной системы общественно-политических взглядов. И тут-то сразу возникает ряд недоуменных вопросов. Что, собственно говоря, имеет в виду автор, говоря об отсутствии у Чехова стройной системы общественно-политических взглядов? То обстоятельство, что, критически относясь к окружающей его жизненной действительности, Чехов не видел в то же время практических путей ее перестройки? Как будто бы так. «Он с отвращением относился к угнетению человеческой личности в царской России, ко всему крепостническому строю тогдашних отношений, к надменной грубости сильных хищников, к жалкой рабской трусости, к подхалимству тех, кого называли тогда мелкой сошкой», — говорит автор о Чехове. «Но указать главный источник зла, который питал все эти уродства, Чехов не чувствовал себя способным, равно как не знал он и того, откуда и каким образом должна притти та сила, которая искоренит из жизни уродующую ее мерзость». Все это верно, конечно, с одной

А. ДЕРМАН. — Антон Павлович Чехов. — Критико-биографический очерк. М. Гослитиздат. 1939. Стр. 210. Тираж 25 000. Ц. 3 руб. 50 коп.

разве оговоркой: что в этом смысле не было стройной системы общественно-политических взглядов ни у Пушкина, ни у Лермонтова, ни у Гоголя, и, однако, ошибочно было бы думать, что они только и занимались писанием мелких вещей на любок тему и были неспособны к созданию идейно-насыщенных произведений.

Или автор говорит вообще об отсутствии у Чехова какого то ни было положительного мирозерцания? Четкой постановки этого вопроса в книге, к сожалению, нет. С одной стороны, автор говорит, что Чехов сам «своею деятельностью громадного общепризнанного художника доказал, что... чего-то он хотел, на что-то надеялся, чего-то боялся, иначе он не мог бы вырасти в классика великой литературы великого народа». Здесь как будто бы признается наличие у Чехова определенной системы положительных жизненных установок. С другой стороны, содержания этой системы автор никак не раскрывает, и получается у него так, что отсутствие у Чехова ясных представлений о путях перестройки жизненной действительности свидетельствует вообще о слабости его «идеологического накала», что хотя Чехов до конца дней своих и отдавался поискам общего взгляда на жизнь и человеческие отношения, но овладеть таким общим взглядом ему так и не удалось. Но это ведь и есть не что иное, как новый вариант либерально-народнической легенды о Чехове как писателе талантливом, но безыдейном и бесстрашном. Поздравить с таким выводом автора, во всяком случае, никак нельзя. Если у сочувственно цитируемого им Михайловского были еще какие-то основания приписывать Чехову подобные пороки, — хотя бы то, что Чехов никак не хотел разделить с ним иллюзии позднего народничества, — то у современного литературоведа, имеющего возможность подойти к оценке чеховского наследия с гораздо более широких позиций, таких оснований как будто бы не должно было быть.

Коренная ошибка автора, приведшая его к таким шатким построениям, на наш взгляд, именно в том и заключается, что он слишком узко подошел к решению вопроса. Для него русская общественная мысль конца прошлого века ограничена с одного конца Сувориным, с другого конца Соболевским и Гольцевым, но идейные искания Чехова он мыслит лишь в этих вот ограниченных

пределах. Но именно постольку, поскольку Чехов был великим художником, его идейная жизнь была богаче и полноценнее тех схем, которые воздвигались современными ему теоретиками, — реакционными ли, либеральными ли, народническими ли, — и в одну из которых обязательно стремится уложить ее автор.

Повторяем; этот основной порок книги — неудовлетворительное решение вопроса об идеяхности чеховского творчества — слишком существенен, чтобы не отразиться на уровне книги в целом: он отбрасывает свою тень на всю концепцию автора, толкая его на ряд ошибочных выводов более частного порядка. Он утверждает, например, что «ограниченности политического кругозора», «робости политической веры», какими отравила Чехова мещанская среда, окружавшая его в годы его юности, он «не осилил до конца». «Он с уверенностью говорил и писал, что «революции в России никогда не будет», он находил, что «социализм — один из видов возбуждения», не больше... он прошел почти мимо рабочего класса, добросовестно отметил внешние черты его сурового быта, но не пытаясь заглянуть в него глубже: творческая революционная сила, в нем тлевшаяся, была для этого беспримерно зоркого писателя грамотой за семью печатями, потому что в самое существование такой силы он не верил». Но ведь в такой огульной форме это утверждение фактически же не верно. Конечно, мертвая эпоха восьмидесятичтения не могла не положить какого-то отпечатка на сознание Чехова. Но автору не может не быть известно, с каким огромным интересом и глубоким волнением присматривался и прислушивался Чехов к нарастающим революционных событий в преддверии 1905 года: свидетельства мемуаристов единодушны в этом отношении.

Однако, повторяя эту же высказанную нами выше мысль, мы не можем не повторить и другой; что к полной нейтрализации всех достоинств книги основной порок ее, к счастью, не приводит. При всей существенности этого порока в ней остается немало верных мыслей, тонких и правильных наблюдений: исследовательский стаж автора и его исследовательское чутье проявляются в книге в этом отношении достаточно заметно. Очень верно, например, решает автор вопрос о чеховском пессимизме, говоря, что Чехов «потому-то и

презирает... уродливую и пошлую обывательскую жизнь, что любит жизнь вообще, то есть любит жизнь в ее светлом начале», что он «тем мрачнее изображает постылую маску, напяленную на светлое лицо жизни, чем сильнее любит это лицо».

И эти верные мысли и наблюдения нельзя сбрасывать со счетов, вынося

книге общую оценку. Читателю, который сумел критически отнестись к тому, что есть в ней ошибочного, она дает неизмеримо больше, чем поток пресного юбилейного многословия, в котором, может быть, и все верно, но который оставляет мысль читателя равнодушной, ни на чем не задерживая и ничем не волнуя ее.